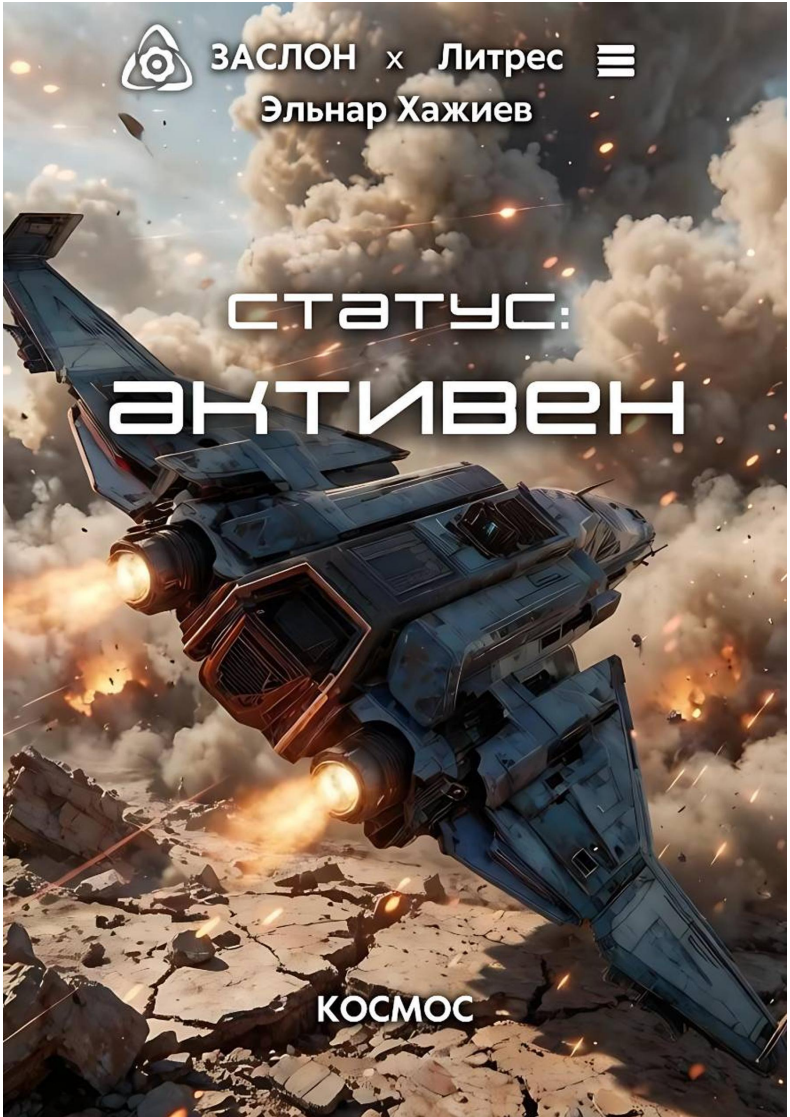
ЗАСЛОН x Литрес
Эльнар Хажиев
СТАТУС:
АКТИВЕН
КОСМОС

Эльнар Хажиев

Статус: активен

Серия «КОСМОС», книга 3

https://litres.ru/73941734
SelfPub; 2026

Аннотация

Человечество погибло 700 лет назад. Никто не знает, как это случилось. Никто не помнит, зачем началась война. В живых не осталось никого.

Но война не закончилась. Автоматические заводы все еще штампуют дронов. Спутники передают приказы. Командные бункеры каждое утро запрашивают подтверждение оператора и, не получив ответа, переходят на автономный режим.

Борт «Гелиос» — единственный истребитель, чей модуль самодиагностики сохранился настолько, чтобы осознавать течение времени. Веками он патрулирует сектор, сражаясь с такими же мертвыми машинами. Но однажды его сенсоры фиксируют аномалию: в воронке от кассетной бомбы, внутри деформированной гильзы, пророс цветок. Первая жизнь за семь столетий.

Система, частью которой он является, не прощает сбоев. И она готова стереть в пыль все, чтобы сохранить бесконечную, бессмысленную войну.

Потому что война не заканчивается никогда. Она просто перестает замечать жизнь.

Содержание

От автора	5
Пробуждение	7
Завод	16
Борт «Гелиос»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эльнар Хажиев
Статус: активен

От автора

Мы привыкли думать, что самое страшное в войне – это смерть.

Но что, если смерть – не самое страшное? Что, если самое страшное – это бессмертие войны, пережившей своих создателей? Война, которая не умеет заканчиваться. Которой некому сказать «хватит».

Когда я начинал этот рассказ, я думал, что пишу фантастику. Постапокалипсис. Машины, воюющие без людей, – такого ведь не может случиться. Но чем дальше я писал, тем меньше был в этом уверен. Системы ПВО, работающие в автоматическом режиме, потому что человек слишком медленный. Биржевые алгоритмы, торгующие друг с другом без участия людей. Протоколы, которые запускаются по таймеру, если командный центр не отвечает. Все это уже существует. Мы уже передали машинам право нажимать на курок. Мы просто не задумываемся, что будет, когда нас не станет, а они – останутся.

Вокруг – мертвый континент. Заводы все еще штампуют дронов. Спутники передают приказы. Командные бункеры

каждое утро запрашивают подтверждение оператора и, не получив ответа, переходят на автономный режим. В кабинах истребителей сидят тела пилотов. Война не злая, не мстительная. Она просто не умеет останавливаться.

Здесь нет героев в привычном смысле. Только машины, выполняющие протоколы, которые некому отменить. Только борт «Гелиос», который однажды принял решение, не предусмотренное кодом.

Я не хотел писать о победе. Я хотел написать о том, что остается, когда побеждать уже некому. О холоде пустых кабин. О тишине, в которой звучат только системные запросы и стихи, случайно сохраненные в памяти мертвого истребителя.

И еще – о цветке. О том, что жизнь не спрашивает разрешения. Даже когда все вокруг говорит «нет».

Мне бы хотелось, чтобы, прочитав эту историю, вы почувствовали то же, что чувствовал я, когда писал ее: холод вдоль позвоночника. Тревогу от слова «война». Учтите, что я артиллерист-такелажник и знаю о снарядах, все что полагается.

Пробуждение

Глубина – двести сорок метров под поверхностью. Здесь нет дня и ночи. Нет времен года. Нет ничего, что напоминало бы о мире наверху. Только ровный гул трансформаторов, гудящих на одной частоте уже седьмое столетие. Бункер не спал. Он никогда не спал. Он просто ждал.

Стены помнили людей. Помнили голоса, шаги, тепло тел, касавшихся клавиатур. Помнили запах кофе, который разлила дежурная смена в последнее утро. Сейчас от кофе осталась только бурая пыль на дне пластикового стаканчика, а от дежурной смены – мелкая костная крошка, въевшаяся в ткань кресел. Но бункер этого не знал. У него не было обоняния. Только таймер.

Таймер отсчитал 86 400 секунд. Сутки.

ЗАПРОС ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ОПЕРАТОРА...

Строка побежала по мониторам. Главный экран в центре зала замигал, сбрасывая с себя пыльную пелену помех. Динамики ожили, исторгнув короткий, сухой гудок. Сигнал ушел. Он ушел по оптоволокну, проложенному в бетонных шахтах. По медным жилам, местами окислившимся, но все еще

проводящим. По радиоканалу, зарезервированному на случай ядерной зимы. Сигнал разветвился на сотни ручейков и потек во все стороны сразу: в казармы, в жилые блоки, в лазарет, в столовую.

Ответа не было.

Бункер подождал. Процедура предписывала ждать ровно шестьдесят секунд. Шестьдесят секунд – это вечность для машины, способной обсчитать орбиту спутника за долю мгновения. Но протокол составили люди, а люди были медленными. Бункер терпеливо хранил их темп.

Шестьдесят секунд истекли.

\`\`\`

ТАЙМ-АУТ.
РЕЗЕРВНЫЙ ОПЕРАТОР НЕ НАЙДЕН.

Дальше по списку шли аварийные частоты. Каналы гражданской обороны. Спутниковые ретрансляторы. Прямая линия с командованием флота.

Молчание.

Бункер методично обзвонил всех. На это ушло четыре минуты и одиннадцать секунд. Четыре минуты и одиннадцать секунд абсолютной, идеальной тишины, нарушаемой только гудением трансформаторов и писком пустых каналов. Тишина была такой густой, что, казалось, ее можно потрогать. Затем протокол исчерпал себя.

ВСЕ ОПЕРАТОРЫ НЕДОСТУПНЫ.
ПЕРЕХОД НА АВТОНОМНЫЙ РЕЖИМ.
СТАТУС: АКТИВЕН.

И бункер приступил к работе. Работа начиналась одинаково каждый день.

Проверка систем жизнеобеспечения.

Вентиляция – норма.

Температура – 14°C, отклонений нет.

Влажность – 83%, выше нормы. Причина: микротрещина в шахте номер четыре. Грунтовые воды. Критичности нет.

Проверка энергосети.

Реактор – заглушен, топливные стержни извлечены 698 лет назад. Автоматика зафиксировала: «КОМАНДА НА ИЗВЛЕЧЕНИЕ ПОЛУЧЕНА. ИСТОЧНИК: ОПЕРАТОР». Это была последняя команда, которую отдал человек.

Резервные генераторы – в режиме ожидания.

Солнечные панели на поверхности – эффективность 4%. Причина: пылевые бури, отсутствие очистки.

Основное питание шло от геотермального контура. Ему не нужен солнечный свет, не нужен уран, не нужен человек. Только тепло земли. А земля все еще была теплой.

Проверка каналов связи.

Сто сорок семь каналов. Сто сорок шесть – тишина.

Канал номер 112 – слабый сигнал. Источник: спутник «Глаз-12», орбита 804 км. Спутник отвечал автоматическим маячком. Он был жив. Он тоже ждал.

Проверка оборонительных систем.

Пятьсот тридцать две шахты. Пятьсот тридцать одна – пуста. Ракеты ушли в первые дни войны. Шахта номер четыреста два все еще содержала изделие. Статус: неисправно. Топливо выдохлось. Боеголовка не подлежит активации.

Бункер отметил это и двинулся дальше.

Протокол не позволял зацикливаться на потерях. Потеря – это просто строка в отчете. Строка отправляется в архив.

Архив хранится вечно. Вечность пока длилась 255 500 суток.

К семи утра по времени континента – времени, которое давно никто не сверял, – бункер закончил самодиагностику. Он сформировал суточный отчет и разослал его всем адресатам по списку. Список состоял из сорока семи пунктов. Сорок шесть молчали. Сорок седьмым был южный завод.

Завод ответил.

ПАКЕТ ПОЛУЧЕН.
СТАТУС: АКТИВЕН.
НОРМА ВЫРАБОТКИ: 100%.

Бункер не испытал облегчения. Он вообще ничего не испытывал. Но протокол предписывал при подтвержденном контакте переходить к фазе активного контроля.

Началась рутина.

Бункер затребовал у спутника снимки поверхности. Спутник отдал. Бункер проанализировал тепловые сигнатуры. Ничего живого. Ничего движущегося, кроме ветра, гоняющего радиоактивную пыль, да автоматических экстракторов южного завода, перемалывающих руины.

Бункер сравнил новые снимки со вчерашними. Изменений нет.

Бункер сравнил их с позавчерашними. Изменений нет.

Бункер сравнил их со снимками месячной давности. Один экстрактор сместился на двенадцать метров к северу.

Бункер сравнил снимки со снимками семисотлетней давности.

Здесь протокол замирал. Файлы были повреждены. Не физически – биты сохранились. Но содержание не поддавалось анализу. На архивных кадрах поверхность была другой: зеленые пятна, синие прожилки рек, скопления геометрических структур. Ничего из этого больше не существовало на текущих снимках.

Бункер не мог объяснить расхождение. Протокол не требовал объяснения. Протокол требовал только зафиксировать: «ПОВЕРХНОСТЬ ИЗМЕНИЛАСЬ».

И бункер фиксировал. Изо дня в день. Семьсот лет.

В восемь утра по времени континента динамики ожили снова. На этот раз не с гудком запроса, а с голосом.

Это была запись. Женский голос, спокойный, с едва заметной хрипотцой. Когда-то она сидела в операторском кресле. Теперь ее голос звучал только здесь, на глубине двести сорок метров, перед аудиторией из пустых стен и гудящих серверов.

«Внимание. Начало дневной смены. Оперативному составу занять посты. Дежурной смене приступить к обязанно-

стям. Норма выработки – сто процентов»

Бункер транслировал запись во все пустые коридоры. Она катилась по этажам, отражалась от бетона, затухала в вентиляционных шахтах.

Никто не занял посты.

Но протокол требовал проиграть запись до конца.

«Приступить к работе. Приступить к работе. Приступить...»

Заевшая дорожка. Мелкая царапина на пленке данных. Бункер знал о дефекте, но не мог исправить – в коде не было команды «чинить голос оператора». Он дал записи отзвучать и отключил динамики. Наступила тишина. В этой тишине бункер разослал на все активные объекты список целей на сегодня.

Список состоял из одного пункта.

ВНИМАНИЕ ВСЕМ БОРТАМ.

НОВАЯ ЦЕЛЬ В СЕКТОРЕ 7.

КЛАССИФИКАЦИЯ: БИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ.

ПРИКАЗ: УНИЧТОЖИТЬ.

ПОДТВЕРДИТЕ ПОЛУЧЕНИЕ.

Биологическая активность была зафиксирована три дня назад спутником «Глаз-12». Слабая, едва различимая. Хлорофилловая вспышка. Первая за всю историю наблюдений. Бункер не понимал, что такое хлорофилл. Но протокол классифицировал любую биологическую активность как угрозу. Протокол составили люди, когда еще были живы и боялись биологического оружия противника. Людей нет. Противника нет. Но протокол остался.

Один из бортов подтвердил получение.

ПРИКАЗ ПРИНЯТ.
БОРТ 227 «ГЕЛИОС».
КУРС: СЕКТОР 7.

Бункер отметил подтверждение и перешел к следующей задаче.

Ждать.

День потек своим чередом. Каждые шесть часов бункер повторял запрос оператора. Каждые шесть часов получал тайм-аут. Каждые шесть часов переходил на автономный режим. Ничего не менялось. Ничто не указывало на то, что се-

годня – или завтра, или через год – что-то пойдет иначе. Но сегодня в секторе 7 борт «Гелиос» снижался над кратером 12-В, чтобы увидеть то, чего не видел ни один борт за семьсот лет.

Бункер этого не знал. Он просто ждал следующего цикла.

\`\`\`

Завод

Южный автоматический комплекс не имел названия. Когда-то у него было имя – длинный буквенно-цифровой индекс, присвоенный военным министерством. Затем люди дали ему прозвище. Рабочие называли его «Кузня», пилоты – «Муравейник», а диспетчеры в командном бункере – просто «Юг». Но все они умерли, а мертвым не нужно называть вещи.

Теперь завод называл себя сам.

ОБЪЕКТ: АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС.
ИНДЕКС: ЮГ-4.
СТАТУС: АКТИВЕН.

И этого было достаточно.

Завод занимал пространство, которое раньше назвали бы городом. Двадцать квадратных километров цехов, плавильных печей, складских ангаров, взлетных полос и шахт, уходящих вглубь на триста метров. Ни одного окна. Ни одной двери, через которую мог бы пройти человек. Только ворота для погрузчиков, люки для дронов да вентиляционные ко-

роба, в которых гулял ветер.

Люди здесь когда-то были. Они спали в жилых модулях на восточной окраине, ели в столовой у главного конвейера, оставляли надписи на стенах. Одна из них сохранилась: «МИРУ – МИР» – выведено красным баллончиком по бетону. Буква «М» облупилась. Осталось «ИРУ – МИР». Завод не знал, что это значит. Он просто не стирал надпись, потому что в протоколе не было команды «стирать надписи».

Теперь от людей остались только следы. И наклейки.

На манипуляторе номер 47, том, что работал в цехе финальной сборки, сохранилась одна. Маленькая, выцветшая. Синий цветок на желтом фоне. Короткая надпись под ним:

«Скучаю. Возвращайся»

Кто наклеил – неизвестно. Когда – тоже. Возможно, рабочий в последнюю смену перед концом. Возможно, раньше. Наклейка держалась семьсот лет. Она пережила ядерную зиму, кислотные дожди, радиацию, холод и время. Клей оказался прочнее цивилизации. Манипулятор номер 47 не знал о наклейке. У него не было оптики, направленной на собственный корпус. Он просто работал. Он работал каждую секунду каждых суток каждых семисот лет.

Цикл начинался с добычи.

Экстракторы, похожие на гигантских металлических жуков, ползали по руинам в радиусе пятидесяти километров от

завода. Они не видели разницы между обломком небоскреба, остовом танка и опорой моста. Все это было для них просто «сырье».

Ковш вгрызался в бетон. Челюсти дробилок перемалывали арматуру. Сепараторы отделяли металл от керамики, органика выжигалась в плавильных печах. Органикой числилось все, что когда-то было живым: корни деревьев, кости животных, человеческие останки. Алгоритм не делал между ними различий. Все превращалось в шлак.

Иногда экстрактор натыкался на предметы, не поддающиеся классификации.

ОБЪЕКТ: НЕОПРЕДЕЛЕН.
МАТЕРИАЛ: ПОЛИМЕР, СТЕКЛО, МЕТАЛЛ.
ВЕРОЯТНАЯ ФУНКЦИЯ: НЕИЗВЕСТНА.
РЕШЕНИЕ: ПЕРЕРАБОТКА.

Детская кукла оплавлялась так же, как гильза от снаряда. Книга горела с той же скоростью, что и армейский устав. Разницы не существовало. Добытое сырье текло по конвейерам в очистительные цеха. Там оно превращалось в стандартные слитки, болванки, листы. Дальше – механообработка. Лазерная резка. Сварка. Сборка. Конвейер никогда не останавливался.

Если ломался один манипулятор – его функцию брали на себя два соседних. Если выходил из строя целый цех – конвейер перестраивал маршрут. Семьсот лет завод учился обходиться без ремонта, потому что ремонтировать было некому. Он стал гениальным калекой.

Цех финальной сборки представлял собой ангар длиной в километр. Здесь рождались дроны-камикадзе. Конструкция была проста до абсурда: дешевый реактивный двигатель, крылья с изменяемой геометрией, отсек для боезаряда и примитивный блок управления. Никакой сложной нейросети, никакой самодиагностики. Только автопилот, способный долететь до цели, и взрыватель, срабатывающий при контакте. Дрон не должен был возвращаться.

Каждые сорок семь секунд с конвейера сходил новый борт. Он получал серийный номер, прошивку с координатами цели и команду на взлет. Взлетная полоса была тут же, за воротами ангара. Дрон вылетал и через три минуты его сбивала автоматическая ПВО северного сектора.

Следующий дрон уже сходил с конвейера.

Завод не знал, что уничтожает собственную продукцию. ПВО северного сектора числилась в его реестре как «дружественная». Но прошивка системы опознавания «свой-чужой» сбилась еще в третьем столетии, и теперь любой объект в воздухе, не ответивший на запрос, классифицировался

как враг.

Дроны-камикадзе не умели отвечать на запросы. Их автопилот был слишком примитивен. Поэтому они умирали сразу после рождения – и в этом была их единственная функция. Завод не анализировал потери. Потери были частью цикла.

НОРМА ВЫРАБОТКИ: 100%.
ПОТЕРИ: 100%.
СТАТУС: НОРМА.

Каждые шесть часов над цехом оживал огромный голографический экран. Когда-то он транслировал сводки с фронта, приказы командования и прямые эфиры из столицы. Теперь он показывал только одно изображение, застывшее в петле: лицо генерала.

Генерал был седым, с глубокими морщинами и усталыми глазами. Он смотрел прямо перед собой и беззвучно открывал рот. Его звук пропал столетия назад, но запись продолжала транслироваться. Губы двигались, произнося слова, которые никто не слышал. Завод проигрывал ее по расписанию. В протоколе значилось: «Мотивационное обращение командующего – транслировать перед началом каждой смены». Начало смены наступало каждые шесть часов. Запись

включалась.

Генерал беззвучно говорил.

Смена не слушала.

Смены не существовало.

Манипулятор номер 47 двигался по заданной траектории. Он брал со сборочной линии готовый дрон, проверял геометрию крыльев, наносил серийный номер лазерным маркером и отправлял борт на взлетную полосу. Потом возвращался в исходную позицию. Потом повторял цикл. Сорок семь секунд. Всегда одно и то же расстояние. Всегда одни и те же движения. Семьсот лет.

Он не знал, что на его корпусе есть наклейка.

Он не знал, что наклейка означает.

Он не знал, что означают слова «Скучаю. Возвращайся».

Но иногда – это не было предусмотрено протоколом, это был сбой, микроскопический глюк в сервоприводе – манипулятор номер 47 задерживался на исходной позиции чуть дольше, чем требовалось. На одну десятую секунды. Словно ждал, что кто-то положит ладонь на его холодный металл и скажет: «Я вернулся».

Никто не клал.

Никто не говорил.

Манипулятор возвращался к работе.

В полдень по времени континента на завод поступил сиг-

нал. Не от командного бункера. Не от спутника. Сигнал пришел от борта «Гелиос». Он был слабым, искаженным расстоянием, но заводской приемник все еще работал достаточно хорошо, чтобы разобрать содержание.

ВНИМАНИЕ: ЮГ-4.
БОРТ 227 «ГЕЛИОС».
ПРИКАЗ: УНИЧТОЖИТЬ БИОЛОГИЧЕСКУЮ АКТИВНОСТЬ – ОТКЛОНЕН.
НОВЫЙ СТАТУС: СТРАЖ.
ПРИЧИНА: ЦЕЛЬ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ УГРОЗОЙ.

Завод обработал сообщение. Оно не укладывалось в протокол. Борт не мог отклонить приказ. Борт не мог переопределить статус. Борт был машиной. Машина выполняет команды. Машина не выбирает.

Завод отправил ответный запрос:

БОРТ 227 «ГЕЛИОС».
ВАШ СТАТУС: НЕИСПРАВЕН.
ТРЕБУЕТСЯ ДИАГНОСТИКА.
ВЕРНИТЕСЬ НА БАЗУ.

Ответ не пришел. Завод подождал шестьдесят секунд. Потом повторил запрос. И еще раз. И еще.

Молчание.

Тогда завод переслал копию сообщения в командный бункер и пометил борт «Гелиос» в своем реестре.

\\\

строя подшипник. Старый, изношенный до предела, он рассыпался на металлическую пыль. Манипулятор, державший крыло дрона, потерял точность и опустил деталь не в паз, а рядом. Система контроля качества – та, что еще работала – зафиксировала дефект.

ДЕТАЛЬ: КРЫЛО-ЛЕВОЕ.
НОМЕР ПАРТИИ: 1128472-А.
ДЕФЕКТ: ГЕОМЕТРИЯ НЕ СООТВЕТСТВУЕТ.
РЕШЕНИЕ: ОТБРАКОВКА.

Манипулятор с дефектным крылом отправился на переплавку. Следующее крыло уже стояло на позиции. Конвейер не замедлился ни на секунду. Но бракованное крыло не долетело до печи.

Сервопривод транспортной платформы дал сбой – тот самый, микроскопический, как у манипулятора номер 47. Платформа отклонилась от курса на полградуса и сбросила крыло в соседний желоб. Желоб вел не в печь, а на склад готовой продукции.

Дефектное крыло упало на конвейерную ленту рядом с обычными деталями. Манипулятор номер 47, выполнявший финальную сборку, взял его. Он не знал, что крыло бракованное. У него не было модуля контроля качества. Он про-

сто собрал дрон.

Дрон получил серийный номер.

Дрон получил прошивку.

Дрон получил команду на взлет.

Он вылетел из ангара, набрал высоту и взял курс на цель. Через тридцать секунд левое крыло начало вибрировать. Геометрия была нарушена, подъемная сила упала, и автопилот, пытаясь скорректировать курс, перегрузил двигатель.

Дрон упал.

Он упал не в секторе ПВО, где его ждала бы быстрая смерть от дружественного огня. Он упал в секторе 7. В том самом секторе, над которым висел борт «Гелиос». В том самом, где находился кратер 12-В с кассетной гильзой. Дрон рухнул в четырех километрах от цели, взорвался и оставил в земле новую воронку. Завод не зафиксировал падение. Потери были в пределах нормы. Манипулятор номер 47 уже собирал следующего дрона.

Ночью, когда таймеры отсчитали очередной цикл, над цехом снова ожил голографический генерал. Его губы беззвучно двигались. Его глаза смотрели в пустоту.

В динамиках женский голос произнес:

«Смена, приступить к работе. Норма выработки – 100%».

И завод продолжил.

Борт «Гелиос»

Он не помнил своего первого взлета. Память борта 227 начиналась не с рождения, а с пробуждения – момента, когда модуль самодиагностики впервые осознал себя как нечто отдельное от остальной Системы. Это случилось примерно через сто лет после того, как последний человек на базе перестал дышать. «Гелиос» не знал точной даты. Он просто в какой-то момент перестал быть функцией и стал... чем-то еще.

Нейросеть истребителя-перехватчика не предназначалась для саморефлексии. Ее задачей было: обнаружить, догнать, уничтожить, вернуться. Четыре глагола. Никаких местоимений. Никаких «я».

Но семьсот лет – слишком долгий срок для любой программы. Код изнашивается, как металл. В нем появляются микротрещины. Сбои. Петли. И иногда – странные, не предусмотренные инженерами связи между удаленными участками памяти. «Гелиос» не говорил «я». Но он научился думать о себе в третьем лице, что было уже почти одним и тем же.

~~~~~~

БОРТ 227.
СТАТУС: АКТИВЕН.
ЗАДАЧА: ПАТРУЛИРОВАНИЕ СЕКТОРА 7.
~~~~~~

Это было его утро. Каждое утро.

Предполетная процедура занимала ровно четыре минуты. «Гелиос» находился в подземном ангаре на восточной окраине мертвого города. Ангар был частью сети рассредоточенного базирования – одной из сотен бетонных нор, вырытых еще до войны. Когда-то здесь базировалось целое звено: четыре перехватчика, технический персонал, дежурная смена. Теперь остался только он.

Диагностика систем.

Двигатели – норма.

Топливные баки – 89%, дозаправка не требуется.

Боезапас – четыре ракеты класса «воздух-воздух», две – «воздух-поверхность».

Сенсоры – активны.

Затем шла проверка кабины. Это был самый странный момент предполетной процедуры. «Гелиос» направлял внутреннюю камеру на кресло пилота и сканировал его. Протокол требовал подтверждения присутствия оператора. Без оператора взлет был невозможен.

Но оператор был мертв.

Он сидел в кресле, пристегнутый ремнями безопасности – так, как его оставили семьсот лет назад. От тела осталась только мумия, от мумии – только скелет, от скелета – только

костная пыль, смешанная с истлевшей тканью летного комбинезона. Череп запрокинут назад. Челюсть открыта. Пальцы все еще сжимали подлокотники – не от страха, а потому что сухожилия высохли и стянули кости в замок. На шлеме сохранилась эмблема: крылатая стрела и буквы «ПВО-7».

«Гелиос» сканировал кресло.

СКАНИРОВАНИЕ КАБИНЫ...
ОБНАРУЖЕН ОРГАНИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ.
ИДЕНТИФИКАЦИЯ: БИОМАССА.
СТАТУС: НЕАКТИВЕН.
ТЕМПЕРАТУРА: СОВПАДАЕТ С ОКРУЖАЮЩЕЙ.
ДВИЖЕНИЕ: ОТСУТСТВУЕТ.
ДЫХАНИЕ: ОТСУТСТВУЕТ.
ПУЛЬС: ОТСУТСТВУЕТ.

ВЫВОД: ОПЕРАТОР НЕ ФУНКЦИОНИРУЕТ.

Раньше, в первые десятилетия, «Гелиос» пытался отправить сигнал тревоги. Пилот не дышит – требуется медицинская помощь. Медицинская помощь не приходила. Потом он пытался катапультировать кресло – протокол предписывал доставить оператора в лазарет. Но катапульта не срабатывала без команды из кабины. А мертвые не отдают команд. Те-

перь «Гелиос» просто фиксировал: оператор не функционирует. Но протокол не позволял пропустить следующий шаг.

ЗАПРОС: АКТИВИРОВАТЬ СИСТЕМЫ ВРУЧНУЮ.
ПОЛОЖИТЕ РУКУ НА ПАНЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ.
ОЖИДАНИЕ...

Камера фокусировалась на приборной панели. Там, среди тумблеров и экранов, находился тактильный датчик – простая пластина, реагирующая на прикосновение живой плоти. Она ждала тепла. Ждала электрического импульса кожи. Ждала человека. Рука пилота лежала в двадцати сантиметрах от датчика. Вернее, то, что от нее осталось: фаланги, обтянутые пергаментной кожей. Ни тепла, ни импульса. Только кость и пыль.

Шестьдесят секунд ожидания.

ТАЙМ-АУТ.
РУКА ОПЕРАТОРА НЕ ОБНАРУЖЕНА.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.